УДК 271.2-86(470)(091)

DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-3-24-33

Александр Станиславович Маджаров,
Иркутский государственный университет
(г. Иркутск, Россия),
e-mail: mas@home.isu.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1933-8549>

Клерикально-охранительное направление в отечественной историографии старообрядчества 50-х годов XIX века: структура исторического исследования

Осмысление историографии старообрядчества зависит от уровня развития истории исторической науки, разработанности её категориального аппарата. Невывявленность структуры ведёт к неопределённости в терминологии, описании научных достижений и тупиков исследования. Из литературы произвольно вычёркиваются ключевые исторические труды (историографические факты), определявшие лицо науки своего времени, «стираются» направления, этапы историографии. Целью данной работы является изучение внутренней формы, структуры клерикально-охранительного исторического исследования старообрядчества в отечественной литературе 50-х гг. XIX в.: ценностных, пространственных, источниковедческих, векторных отношений автора к объекту изысканий; совокупности понятий, раскрывающих «механизм» объяснения старообрядчества; пути получения знаний о расколе, опосредованном этой структурой. Анализ показал, что клерикальная идеологическая позиция, выраженная в трудах историков этого направления, сфокусировалась на защите «нового обряда». Она вела к сужению предмета исследования, ограничивая его «мнениями» и фактами констатации раскола, продуцировала цель исследования – «разоблачение» раскольников и нравственно-схоластический метод её достижения, толкала к использованию в объяснении изучаемого явления совокупности обличительных понятий, и к середине XIX в. стала барьером на пути познания антицерковного протеста. Факт практической несостоятельности клерикальной доктрины, который являлся следствием её познавательной ограниченности, осознавали и сами носители обличительной традиции. Вопрос о причинах возникновения и развития старообрядчества стал актуальным. Новый ответ на него в конце 50-х – начале 60-х гг. XIX в. был дан историком Афанасием Прокопьевичем Щаповым (1831–1876), который коренным образом изменил теоретико-методологические основания исследования.

Ключевые слова: историография старообрядчества, клерикально-охранительное направление, структура исторического исследования, историографический факт, направление, этап

Alexander S. Madzharov,
Irkutsk State University
(Irkutsk, Russia),
e-mail: mas@home.isu.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1933-8549>

Clerical-Protective Direction in the Russian Historiography of the Old Believers of the 1850s: the Structure of Historical Research

Understanding the historiography of the old believers depends on the level of development of the history of historical science, the development of its categorical apparatus. The lack of clarity of the research structure leads to uncertainty in terminology, in the description of scientific achievements and dead ends. The key historical works (historiographical facts) that defined the face of the science of their time are arbitrarily deleted from the literature, and the directions and stages of historiography are “erased”. The purpose of this work is to study the internal form and structure of clerical-protective historical research of old believers in the Russian literature of the 1850s: value, spatial, source – study, vector relations of the author to the object of research; a set of concepts that reveal the “mechanism” of explaining old believers; ways to gain knowledge about the split mediated by this structure. The analysis showed that the clerical ideological position expressed in the works of historians of this direction focused on the defense of the “new rite”. It led to a narrowing of the subject of research, limiting it to “opinions” and facts of the statement of schism, which produced the purpose of research – the “exposure” of schismatics and the moral-scholastic method of achieving it and pushed us to use a set of accusatory concepts in explaining the phenomenon under study. It became a barrier to the knowledge of anti-Church protest by the middle of the 19th century. The fact of the practical failure of the clerical doctrine, which was a consequence of its cognitive limitations, was also realized by the bearers of the accusatory tradition themselves. The question of the reasons for the emergence and development of the old believers has become relevant again. A

© Маджаров А. С., 2021

new answer to this question in the late 1850s – early 1860s was given by the historian Afanasiy Prokopyevich Shchapov (1831–1876), who radically changed the theoretical and methodological foundations of the study.

Keywords: historiography of the old believers, clerical-protective direction, structure of historical research, historiographical fact, direction, stage

Введение. *Внутренняя форма, структура исторического исследования как проблема.* История исторической науки входит в современные исследования большей частью как обзор работ по теме, предваряющий изучение конкретного сюжета. Глубина таких экскурсов в прошлое, их значение для новых разработок зависит от уровня развития историографии, её категориального аппарата [1].

Недостаточное внимание к проблеме внутренней формы, структуры исторического исследования, видимой только на теоретико-методологическом уровне исследования, но входящей в предметное поле истории исторической науки, снижает качество изысканий. Нерешённые общие вопросы дисциплины («историографический факт», «направление», «этап» и др.) прямо касаются трудов по старообрядчеству. В частности, неясность структуры клерикально-охранительного направления в историографии антицерковного движения ведёт к неопределённости в терминологии, к игнорированию её достижений и тупиков.

В литературе клерикально-охранительное направление называют «синодально-охранительным»¹, «обличительно-полемическим»²; течением, представленным «историками официальной церкви»³, «профессурой духовных академий»⁴; «церковной или синодальной историографией» и т. д.⁵

Из рассмотрения исключаются исторические труды (историографические факты), направления, этапы историографии.

К примеру, высказывается утверждение (2018), что «объектом внимания исторической науки старообрядчество выступило со второй половины XIX века», хотя о расколе в 30-е гг. XVIII в. писал родоначальник отечественной исторической науки В. Н. Татищев (1686–1750)⁶ [2].

В статье «Историография истории старообрядчества в отечественной культуре» (2017) «пропущены» – труды А. П. Щапова, положившие начало демократическому направлению в историографии раскола конца 50-х начала 60-х гг. XIX в. [3, с. 32].

Из текущей литературы по старообрядчеству, как правило «выпадает» сочинение Г. В. Плеханова «Раскол как одно из выражений общественной мысли», открывающее марксистское направление, и марксистский этап (изменение парадигмы) исследования раскола⁷ [4–6].

Методология и методы исследования. Научная направленность историографического сочинения предполагает выявление существенных связей и отношений процесса познания, изучение прикладной методологии как системообразующего начала истории исторической науки [7].

В рамках данной установки рассмотрим внутреннюю форму, структуру клерикально-охранительного исторического исследования старообрядчества в отечественной литературе 50-х гг. XIX в.: ценностные (идеология), пространственные (предмет), источниковедческие (свидетельства), векторные (цель, метод исследования) отношения автора к объекту изысканий; совокупность понятий, раскрывающих «механизм» объяснения старообрядчества

¹ Дутчак Е. Е. Старообрядческие таёжные монастыри: условия сохранения и воспроизводства социокультурной традиции (вторая половина XIX – начало XXI в.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. – Томск, 2008. – С. 13.

² Куприянова И. В. Старообрядчество Алтая в условиях радикальной трансформации российского общества (конец XIX – первая треть XX века): автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. – Барнаул, 2018. – С. 5.

³ Кочергина М. В. Старообрядчество юго-запада России (1760–1860 гг.): хозяйство, расселение, культура: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Брянск, 2003. С. 4–6.

⁴ Рукавицына Е. А. Самоидентификация старообрядчества в современном социуме (на примере Республики Тыва в XX–XXI вв.): автореф. дис. ... канд. культурологии: 24.00.01. – М.: Моск. гос. ин-т культуры и искусств, 2011. – С. 5.

⁵ Кузоро К. А. Церковная историография старообрядчества: возникновение и эволюция (вторая половина XVII – начало XX вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. – Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 2009. – С. 3.

⁶ Куприянова И. В. Старообрядчество Алтая в условиях радикальной трансформации российского общества (конец XIX – первая треть XX века): автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. – Барнаул, 2018. – С. 4.

⁷ Сибиркина И. Ю. Общественная мысль пореформенной России в оценке Г. В. Плеханова: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. – М.: Моск. пед. ун-т, 1993. – 18 с.; Тулякова Е. В. Социально-философские проблемы в творчестве Г. В. Плеханова: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. – М., 2013. – 30 с.; Мельников И. А. Социокультурные трансформации ментальности новгородского старообрядчества: автореф. дис. ... канд. культурологии: 24.00.01. – СПб.: Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена, 2015. – 22 с.

и путь получения знаний о расколе, опосредованный этой познавательной структурой.

Отметим, что проблемы цели, предмета, метода исторического исследования уже в 30-е гг. XIX в. являлись объектом историографической рефлексии историков [8, с. 156–157].

О термине «клерикально-охранительное» направление. Клерикально-охранительное направление, как совокупность сочинений, созданных на общей теоретико-методологической основе, господствовало в литературе с момента появления первых антираскольнических трактатов в середине XVII в. и до появления в конце 50-х – начале 60-х гг. XIX в. демократической концепции процесса.

Этот термин был введен в научный оборот в 1992 г. [9, с. 48–54]. В современных исследованиях по расколу интересующая нас линейка трудов именуется и как синодально-охранительная, обличительно-полемическая и как церковная (синодальная) и т. д. Разноголосица по вопросу о названии данной группы историографических источников, свидетельствующая, в частности, о неясности её структуры, может быть устранена путём соотнесения термина с исследуемым объектом.

Определение клерикально-охранительного направления в историографии раскола как «синодально-охранительного» неточно. Эта формулировка не соотносится с объёмом книг, который предполагается охватить. Ведь синод возник в 1721 г., а критическая литература по расколу – во второй половине XVII в., задолго до его появления.

Квалификация упомянутой суммы трудов как «обличительно-полемической» также не лишена изъяна. Такое истолкование не отвечает назначению термина, не выделяет охранительную суть литературы, а подчёркивает её производные признаки – «обличение и полемику».

Спорным представляется и позиционирование клерикально-охранительного направления как «церковного, или синодального». Об относительной узости термина «синодальное» уже говорилось. Но понятие «церковное» также не совпадает с обозначаемым объектом. Известно, что не все сторонники упомянутой точки зрения были деятелями церкви, хотя при этом и выступали с клерикальных позиций.

Обличительный этап в развитии клерикально-охранительной историографии

раскола. Раскол Русской православной церкви, трактуемый клерикальной историографией XIX в. как факт «восстания против Никона», сопротивления «власти церковной и гражданской», «мятежа Соловецкого, Стрелецкого» и др., вызвал соответствующую ответную реакцию со стороны власти прережающих, поставил задачу искоренения инакомыслия [10, с. 4, 5].

Носители «старой веры» как сторонники самобытного религиозного уклада и образа жизни преследовались. Особенно суровым испытаниям община староверов подвергалась в начальный период существования раскола во второй половине XVII в. Сыск и наказание инакомыслящих в это время осуществлял Приказ тайных дел (1654–1676). Алексей Михайлович (1629–1676) отправлял своих сатрапов в пустыни «для поимки разбойников». По высочайшему распоряжению их разыскивали, допрашивали, «пытали и огнём жгли»¹.

Письменные оценки религиозного движения в начальный период раскола по своей тональности соответствовали характеру мер, принимавшихся против религиозных диссидентов Приказом тайных дел. Симеон Полоцкий в «Жезле правления» (1667) характеризовал раскольников как «безумных» людей, архиепископ Афанасий в «Увете духовном» (1682) предостерегал паству от влияния «безумных мужиков», архиепископ Питирим в «Пращице духовной» (1721) писал «противо вопросов раскольничьих». С обличением старообрядцев выступали и другие авторы.

Клерикально-охранительная традиция, заложенная в XVII в., получила развитие в историографии XVIII – первой половины XIX в. Исследования архиепископа Филарета «История русской церкви» (1853), митрополита Макария «История русского раскола, известного под именем старообрядства» (1855), А. Н. Муравьёва «Раскол, обличаемый своею историей» (1854), Н. Г. Устрялова «История царствования Петра Великого» (1858) (раздел по истории раскола) явились высшим достижением «классического» обличительного, схоластического направления.

Эти труды увидели свет в начале второй половины XIX в. Однако взгляд на антицерковное выступление как явление

¹ Народное антицерковное движение в России XVII века. Документы приказа тайных дел о раскольниках, 1665–1667 гг. / сост. В. С. Румянцева. – М.: Учасок оперативной полиграфии Института истории АН СССР, 1986. – С. 54, 55, 80.

узкообрядовое сближал их с творениями предшествующего времени – XVIII – первой половины XIX в.

Вненаучная задача клерикально-охранительных трудов по расколу. Для историков клерикально-охранительного направления, защищавших позиции официальной церкви, раскол лишь отчасти являлся научной проблемой. Ведь официальный ответ на вопрос о том, что такое раскол и кто такие раскольники, был дан ещё на соборах 1666, 1667 гг. Заключение этих собраний синклита подтверждали правомочность «новоисправленных книг», утверждали канонический перечень обрядовых предписаний, вызывавших споры. Их следовало беспрекословно принимать. Неподчинение церковной иерархии, непризнание «новых книг», богослужение по «старым книгам» и являлось расколом. Несогласные «предавались анафеме» как «еретики и непокорники».

Задача, стоявшая перед историками церкви, была преимущественно идеологической: подтвердить ошибочность «старых книг», осудить непокорных за неподчинение церкви и «незнание» обрядов и вернуть их в лоно церкви. Обличительная историография 50-х гг. XIX в. и занималась её решением.

«Новый» обряд как синтез идеологической позиции историков клерикально-охранительного направления. Макарий, Филарет, А. Н. Муравьёв, Н. Г. Устрялов и другие историки, писавшие о расколе в клерикально-охранительном духе, были связаны рамками официальной идеологии.

В частности, митрополит Макарий (Михаил Петрович Булгаков) (1816–1882) в период создания сочинения о «восставших против власти церковной и гражданской» являлся епископом Винницким, ректором Санкт-Петербургской духовной академии, в составе которой с 1853 г. существовало отделение по борьбе со старообрядцами.

Формально автор признавал значение объективного исследования. В заключение своего трактата, касаясь современного ему состояния старообрядчества, он подчеркивал, что этот вопрос «столь близок нам по времени, что почти еще не может быть предметом беспристрастной истории» [10, с. 367]. Выпущенная архиереем книга о расколе XVII – начала XIX в. не касалась современности и могла бы быть, согласно его логике, «предметом беспристрастной истории», но таковой не являлась.

Оценки мыслей и деяний «ревнителей старины», данные Макарием, типичные для клерикальной литературы конца 50-х – начала 60-х гг. XIX в., отражали позицию официальной церкви, выраженную в постановлениях церковных соборов.

Ректор духовной академии адресовал своё послание старообрядцам. Он охарактеризовал заседания собора русских архипастырей, отметив, что на совещании 7 мая 1666 г. святители одобрили книгу «Жезл правления, утверждения, наказания, казнения», составленную Симеоном Полоцким. В этом труде подчёркивалось, что «все архиереи» засвидетельствовали правомочность в «новоисправленных книгах», их идентичность «со старыми славяно-русскими харатейными книгами» [Там же, с. 178].

Исследователь обратил внимание на тот факт, что решение было утверждено и на соборе 1667 г. «голосом архипастырей восточных» и являлось «приговором Церкви православно-кафолической» [Там же, с. 179]. Он также рассказал об издании консилиумом греческих и русских патриархов, митрополитов, архиепископов, епископов 13 мая 1667 г. «соборного повеления и заветания».

Согласно этому приговору православным христианам «заповедалось» «покоряться во всём св[ятой] восточной и апостольской Церкви Христовой; употреблять при богослужении книги, напечатанные при Никоне...; св[ятой] символ без прилога “истинного”; произносить... аллилуйю трижды, с прибавлением “слава Тебе, Боже”; творить крестное знамение тремя первыми перстами правой руки...; произносить молитву Иисусову в церковном пении и общем собрании так: “Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас”... печатать просфоры четвероконечным крестом; хранить церковный и монастырский чин по преданию св[ятых] Апостолов и св[ятых] Отцов; пастырям благословлять христиан именословным благословением» [Там же, с. 179–180].

Историк церкви отметил важное обстоятельство, зафиксированное в заключение упомянутого волеизъявления: «...всем неизменно хранить и покаяться святей восточней Церкви. А тех, кто не послушает и не покорится святей восточней Церкви и сему освященному собору... мы данною нам властью... извергаем и обнажаем его всякого священнодействия и благодати и

проклятию предаём... яко гнил и непотребён удъ, дондеже вразумится и возвратится в правду покаянием» [10, с. 179–180].

Макарий цитировал решения соборов не только для их иллюстрации. «Повеления и завещания» определяли его «обрядоверческую» идеологическую установку, критерии оценки ритуальных разночтений, событий истории староверов и задачу возвращения еретиков в лоно церкви. В трудах историков-обличителей раскол и рассматривался как «старообрядчество».

На материалы соборов 1666, 1667 гг. как один из источников своей позиции по расколу ссылались Филарет [11, с. 67–72, 245–251], А. Н. Муравьёв [12, с. 72–82] и другие историки клерикально-охранительного направления. Важно, однако, подчеркнуть, что «обрядоверие» было присуще не только носителям старой веры. Позиция их гонителей также была «обрядовой». Разница между сторонами конфликта заключалась в том, что староверы связывали «спасение» со «старым», а «никониане» («новообрядцы») – с «новым» обрядом.

Критическая, антираскольническая тенденция, заложенная в официальной идеологии и воспринятая Макарием, Филаретом, А. Н. Муравьёвым и другими историками обличительного направления, воспроизводилась в структуре исторического исследования, закреплялась в предмете, цели исследования, в методе и характере «теоретических» заключений авторов о расколе.

Предмет клерикально-охранительного исследования раскола. Идеология «нового обряда» проецировалась на предмет исследования, влияла на определение его содержания и границ. В расколе клерикалы различали два лагеря – официальный и старообрядческий. Первый проводил позицию, одобренную соборами, на всех этапах истории протеста боролся с инакомыслием. Второй – «восстал против власти церковной и гражданской», «распространился, разбился на разные толки».

В народном выступлении против церкви сторонники официальной позиции видели «мнения». Как «нарост ложных мнений» раскол представлялся Макарию, Филарету и другим эмиссарам обличительных штудий.

«Мнения» служили основанием Макарию для разделения истории русского раскола на «два периода». Первый этап «истории» движения (1419–1667), по его словам, показал «как... возникли стран-

ные заблуждения», которые «послужили главными началами Русского раскола» [10, с. 1]. Второй (1667–1855) свидетельствовал о том, как «на основании заблуждений» «совершился Русский раскол», «восстал против Власти церковной и гражданской», «распространился и разбился на мелкие толки» [Там же]. Он виделся Макарию как «история самого раскола и его мнений» [Там же].

Однако явление не исчерпывалось спорами об исконном обряде. Историки старообрядчества видели в предмете исследования и «внешнюю» сторону процесса. Событийное полотно истории старообрядчества, согласно представлениям клерикалов, включало факт раскола, его последующее удвоение в «мятежах», разделение на «секты» и др.

Макарий очерчивал пространственную проекцию раскола как «многосложнейшего события нашей церковной истории» [Там же, с. 2]. Данную сторону процесса подробно рассматривали Филарет [11, с. 255–290], А. Н. Муравьёв [12, с. 43–161].

Раскол, как проявление «старообрядческих мнений», факт антицерковных и антигосударственных деяний, порожденных этими «мнениями», а также «мер власти церковной и гражданской» против инакомыслящих и «вразумления» носителей протеста, и занимал клерикальную историографию.

Цель исследования и её идеологическая обусловленность. Предмет и цель исследования как избранный для анализа фрагмент реальности и задача его научного преобразования были взаимосвязаны. Предваряющие описание раскола контуры явления у историка клерикально-охранительного направления конкретизировались в цели сочинения. «Новообрядческая» установка автора «сужалась» в замысле книги до «желаемого образа» изучаемого явления.

Макарий подчёркивал, что, работая над темой, «имел в виду двоякую цель». Он, согласно собственной терминологии, предполагал реализовать миссию «учёную»: разъяснить и изобразить с возможною верностью... и полнотой одно из... событий нашей церковной истории; *нравственную*: представить историческую картину раскола так, чтобы... раскольники могли ясно видеть свои заблуждения и раскаивались в них, а православные... получить правильные понятия о расколе...» [10, с. 2].

Первый тезис постулировался как задача объективного исследования проблемы. Однако вторая сторона «двоякой цели» – «нравственная», идеологическая, подрывала принцип объективности, сужала фронт познания раскола, сводила его к схоластической и назидательной сторонам.

«Моральная» оценка была обязательной. Её назначение заключалось в том, чтобы структурировать заключительные представления о расколе в нужном «нравственном», «критическом» – обличительном ракурсе. «Партийность» историка проявлялась в развенчании старообрядчества, в реализации обличительной линии.

Приступая к сочинению, во введении к тексту автор определил желаемый результат исследования – историю раскола как свидетельство его нравственной и богословской несостоятельности. Итог событий и искомый результат изысканий выражался создателем книги в стилистике религиозной поэтики: «семена раскола» принесли «горький плод»; «облачко» «превратилось в громадную тучу» и «разразилось страшной грозой» [10, с. 1].

Цель исследования, поставленную Макарием, разделял А. Н. Муравьев. «Доселе мы... видели семена расколов, – писал он. – ...Теперь увидим... их горькие плоды» [12; 10, с. 86]. Автор убеждал читателей, что история «раскольнических обществ» «есть лучшее против них обличение» [12, с. 5].

Подобной установкой в своих изысканиях руководствовался и Филарет. По его словам, в XVI в. возникли «ошибочные мнения и убеждения». В дальнейшем «на-рост ложных мнений увеличился, созрел и... отпал... от здорового тела церкви». Итог познания раскола виделся автору как изображение его «безобразным струпом», «плевелами», «наростом» [11, с. 238].

Цель произведений историков клерикально-охранительного плана о расколе и заключалась в том, чтобы разоблачить, дискредитировать религиозную мысль и деяния раскольников, описать превращение «семени» в «горький плод».

Источниковая основа клерикальной концепции. Историки церкви были по-своему заинтересованы в воссоздании истории раскола. В этом смысле следует понимать слова Макария: «Сообразно с первой целью («учёною» – А. М.) я старался, сколько мог, основывать свои показания на самых коренных и достоверных источниках» [10, с. 2]. Причина тяги автора к «достоверно-

му рассказу» заключалась в убеждении, согласно которому история протеста обличала сама себя. В факте раскола и в каждом новом его витке он видел проявление «зла», «невежества» и доказательства справедливости своей точки зрения.

Для реализации цели описания событий и обличения непокорных нужно было сформировать источниковую базу, соответствующую назначению клерикального исследования.

Макарий опирался на законодательные источники («Полное собрание законов Российской империи»), акты («Деяния большого Московского собора 1666–1667 гг.», «Акты исторические», «Дополнения к актам историческим»), жития святых («Житие преподобного Евфросина» и др.), книги своих предшественников («Скрижаль», «Жезл правления», «Увет духовный», «Пращица», «Розыск»), изучал сочинения старообрядцев – протопопа Аввакума, Семёна Денисова и других, рукописи по истории раскола из собственной библиотеки.

Он обращался к сочинениям Филарета, Евгения (Болховитинова), Н. М. Карамзина, К. Ф. Калайдовича, М. П. Погодина, Г. А. Розенкампа, П. М. Строева, А. Журавлева, И. П. Сахарова, И. Т. Голикова, И. Алексеева и др.

Документы отбирались и преобразовывались в соответствии с целью исследования. Они служили фундаментом для исчерпывающего «научного» развенчания инакомыслящих, разоблачения всех «ошибочных мнений», всех перипетий истории староверов, выступлений «против власти церковной и гражданской».

Об «описательном, «нравственном», «критическом» аспектах клерикально-охранительного метода исследования раскола. Изучение истории раскола, направленное на выяснение причин его возникновения и развития, предполагало хронологически последовательное воссоздание феномена старообрядчества, применение опосредованного историческим источником описательного метода. Хронологическая линия в изложении событий прослеживалась как в оглавлении, так и в содержании книги Макария [10, с. 196–326, 369]. Повествование имело и свою логику – эмпирической взаимосвязи фактов [Там же, с. 186–292].

Описательный метод был неотъемлемой частью инструментария и других представителей клерикально-охранительного

направления, в частности, Филарета [11, с. 255–290], А. Н. Муравьёва.

Изложение окармлялось морально-схоластической оценкой.

В исследовании раскола Макарий шёл по пути развенчания «заблуждений» раскольников и склонения их к «раскаянию». Он решал «*нравственную*» задачу, использовал один из аспектов своего метода освоения материала – моральную оценку мыслей и действий раскольников. «Нравственный» метод историка церкви работал в контексте дихотомии «добро – зло», почерпнутой из религиозно-нравственного эвристического арсенала, где раскол интерпретировался как зло. Эта нормативно-оценочная, «методологическая» категория в «Истории» Макария красной нитью пронизывала сочинение, являлась важнейшей обобщающей характеристикой хроники старообрядчества, намерений, мыслей и действий раскольников.

По его словам, до начала раскола «зло... совершили ...справщики», когда внесли «учение» о сугубой аллилуйи и двуперстном перстосложении в «книги» [10, с. 116]. В период возникновения раскола «суеверы... с большой злобою и ожесточением выжидали... случая, чтобы снова восстать против правительства» [Там же, с. 219]. «Раскол, – согласно заключению Макария, – в первые годы существования... явился величайшим злом не только для церкви..., но и для государства», произвёл «ряд... страшных бунтов» [Там же, с. 334]. Власти «духовные и гражданские», по мнению историка, употребляли все меры «к пресечению этого зла» и т. д. [Там же, с. 326].

Нравственный метод применяли в исследовании раскола Филарет, Н. Г. Устрялов. Автор «Истории царствования Петра Великого» квалифицировал протестантов как носителей «злого духа противодействия и мятежа» [13, с. 26–28, 51].

Нравственная оценка событий истории раскола сочеталась с «критическим», схоластическим анализом «мнений» и «деяний» старообрядцев.

Суть этого методологического приёма излагал Макарий: «сообразно с второю (нравственною – А. М.) целью, я не ограничивался одним изложением раскольнических мнений и рассказом о событиях, но часто... делал замечания против мнений глаголемых старообрядцев, обличал их неправые сказания и умствования, произно-

сил суд об их верованиях и делах, и таким образом сообщил своей истории характер критический» [10, с. 2].

Критический метод вёл автора по пути исследования раскола от его возникновения до современного состояния в контексте познавательной дихотомии «знание – невежество». Раскольнические «мнения» оценивались как «невежество». Это универсальное объяснение старообрядческой историографии и деяний раскольников, как и категория «зло», проходило через всё сочинение историка, а также «работало» в трудах всех представителей клерикально-охранительного направления.

Согласно убеждению Макария, реформа Никона привела к расколу «невежд, которые не могли понять нужды в исправлении книг» [Там же, с. 4]. Развитию раскольнических мнений, по его заключениям, содействовало «распространение грубого невежества... в простом народе... и в духовенстве» [Там же, с. 16]. Ошибки в «старых книгах» возникли потому, считал он, что их перепиской занимались «люди-невежды», которые «не понимали» смысла рукописей [Там же, с. 24]. Привязанность к «старым богослужебным книгам», согласно мнению автора, была вызвана «грубым невежеством» [Там же, с. 21]. Наконец, пытаюсь охарактеризовать глубинные основы протеста, автор соединил два аспекта своего метода – «нравственный» и «критический» и сделал следующий вывод: «ненависть и невежество – вот два самые начальные источники раскола по суду даже разумных современников» [Там же, с. 163–164].

Критическим, схоластическим приёмом пользовался в своей работе и Филарет. По его убеждению, раскольники были суеверами, носителями ложных мнений [11, с. 238, 241]. «Невежество, – считал он, – ...было самым видным преимуществом предводителей раскола» [Там же, с. 243].

Этот методологический подход применял и Н. Г. Устрялов. Он характеризовал старообрядцев как сектантов, «косневших в суеверии» [8, с. 26–28, 51].

Объяснение раскола в структуре клерикально-охранительного исследования. Идеологема «раскол – невежество». Порождённая идеологической установкой цель исследования – развенчание «заблуждений» раскольников, склонение к «раскаянию» и «критический» метод нравственно-схоластической оценки их мыслей и действий – суммировались в совокупно-

сти понятий, составляющих структуру клерикально-охранительного объяснения старообрядчества.

Явление раскола обобщалось авторами исследуемого направления в терминах с уничижительной коннотацией, не имеющих прямого отношения к предмету исследования: «горький плод»; «безобразный струп», «плевелы», «нарост» и др.

Деятели старообрядческой общины характеризовались как нарушители норм морали, нравственности, как отступники, смутьяны, мятежники, развратники, заклятые враги, носители злобы, нечистоты сердечной и др. [8, с. 48–52].

Причины протеста виделись авторам в проявлении деструктивных чувств, отсутствии знаний, невежестве, ненависти, необразованности, отсталости, суеверии. Наконец в заключительном вердикте раскол квалифицировался как «зло».

Эта критическая, обличительная, схоластическая структура являлась итогом познания старообрядчества в рамках клерикально-охранительного направления своего времени и основанием идеологемы «раскол – невежество», получившей широкое распространение в литературе XVII–XX вв., в том числе и в советской историографии.

Результаты исследования и их об- суждение. *Методологические тупики клерикальной доктрины.* Клерикально-охранительная историография раскола XVII – первой половины XIX в. по-своему осветила историю старообрядчества и его причины, создала «картину» протеста, определила принципы, метод его изучения.

Однако к середине XIX в. её обличительный, схоластический эвристический потенциал был исчерпан.

О факте практической несостоятельности клерикальной доктрины, которая являлась следствием её познавательной ограниченности, свидетельствовали сами носители обличительной традиции.

А. Н. Муравьев подчёркивал значение книг, посвящённых критике раскола, но вынужден был констатировать отсутствие результата. «Новая скрижаль патриарха Никона, – писал он, – “Жезл правления”, изданный при Иоасафе, “Увет духовный” патриарха Иоакима, “Щит веры” Афанасия Холмогорского, “Розыск” святителя Димитрия, “Пращица духовная” Питирима, наконец, “Обличение” Феофилактово – все были направлены к одной и той же цели

вразумления отпадших от православия, но тщетно, ибо закосноязыченные не хотели внимать пастырскому гласу» [12, с. 232].

В начале 50-х гг. XIX в. в рядах сторонников официальной церкви появились исследователи, осознававшие бесперспективность обличительной, «обрядоверческой», схоластической доктрины.

Славянофил И. С. Аксаков, размышлявший о путях прекращения раскола, подчёркивал неспособность клерикально-охранительной схемы, представленной в книгах и в устных проповедях, изменить позицию протестантов. В мае 1849 года он как чиновник занимался изучением раскола и подготовил труд, фрагмент которого – «Краткая записка о странниках или бегунах» (1851) – был опубликован в журнале «Русский архив» в 1866 г.

В «Записке» К. С. Аксаков сообщал, что для исправления раскольников посылал их слушать назидания в «сельских и городских церквях... Ярославской и Костромской губерний». Однако эксперимент не удался. По его словам, инакомыслящие «находили в православных проповедях не живое слово убеждения и любви, но мертвое витийство, приправленное риторическими украшениями» [14, с. 634].

Заключение. Клерикальная методология, в течение двух столетий сконцентрированная на защите «нового обряда», «разоблачении» раскольников, стала барьером на пути познания антицерковного протеста. Она не позволила убедительно объяснить причины развития раскола и не способствовала возвращению староверов в лоно церкви. В своей борьбе за «аз» историки церкви упустили главное: старообрядчество не сводилось к обряду и не могло быть объяснено только разницей во взглядах на него. В их нравоучительных трудах отсутствовало понимание раскола как истории общества. Абсолютизация ритуальных оснований протеста не давала возможности раскрыть его социальную природу, процесс развития антицерковного движения, своеобразие этапов. С расширением протестного движения узость теоретико-методологической основы клерикальной схемы становилась непреодолимым препятствием на пути адекватной оценки масштабного, многовекового народного движения.

Вопрос о причинах возникновения и развития старообрядчества вновь стал актуальным. Новый ответ на него в конце

50-х – начале 60-х гг. XIX в. был дан Афанасием Прокопьевичем Шаповым (1831–1876), который кардинально изменил теоретико-методологические основания исследования [15, с. 230–238].

Историк, опираясь на демократическую идеологию, систему ценностей (народ, свобода), цель исследования (представление «народных начал» истории), предмет

(жизнь народа), источники (по истории народной колонизации), метод (выявление противоречий в жизни народа как основы исторической динамики), понятия (народные начала, колонизация, областность, община, вече, земские соборы), «реабилитировал» старообрядчество, представив его как «образ жизни», форму реализации народной «правды».

Список литературы

1. Crummey Robert O. The Old Believers and the World of Antichrist: The Vyg Community and Russian State, 1694–1855. Madison: University of Wisconsin Press, 1970. 258 p.
2. Маджаров А. С. Становление официальной доктрины религиозного раскола Русской православной церкви в трудах В. Н. Татищева // Известия Иркутского государственного университета. 2019. Т. 27. С. 67–77.
3. Молзинский В. В. Историография истории старообрядчества в отечественной культуре // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 1. С. 29–35.
4. Маджаров А. С. Доктрина раскола Русской православной церкви Г. В. Плеханова и её историографические источники (Н. Ф. Каптерев, А. П. Шапов, Н. И. Костомаров и др.) // Известия Лаборатории древних технологий. 2020. № 3. С. 207–219.
5. Бородин А. В. Общины старообрядцев-капитонов центральной России в 50–60-е гг. XVII в. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. 2009. № 9. С. 103–108.
6. Покидченко М. Г. Плеханов как историк общественно-экономической мысли // Историко-экономические исследования. 2017. № 4. С. 599–612.
7. Маджаров А. С. Прикладная методология как проблема отечественной историографии XVIII–XIX веков (постановка проблемы) // Гуманитарный вектор. 2019. № 6. С. 57–63.
8. Устрялов Н. Г. О системе прагматической русской истории // Взгляд на историю как науку. Малоизвестные источники по русской историографии (первая половина XIX в.) / сост. Р. А. Киреева, К. Б. Умбрашко; Институт Российской истории Российской академии наук. М.: Центр гуманитарных инициатив; СПб.: Институт Российской истории РАН, 2015. 569 с.
9. Маджаров А. С. Афанасий Шапов. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1992. 272 с.
10. Макарий. История русского раскола, известного под именем старообрядства. СПб.: Тип. Королева и комп., 1855. 376 с.
11. Филарет. История русской церкви. Харьков: Университетская типография, 1853. 326 с.
12. Муравьев А. Н. Раскол, обличаемый своей историей. СПб.: Тип. II Отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1854. 429 с.
13. Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. СПб.: Тип. II Отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1858. 404 с.
14. Аксаков И. С. Краткая записка о странниках или бегунах // Русский архив. 1866. № 4. С. 627–643.
15. Маджаров А. С. Афанасий Прокопьевич Шапов: история жизни (1831–1876) и жизнь «Истории». Иркутск: Иркут. обл. тип. № 1 им. В. М. Посохина, 2005. 528 с.

Статья поступила в редакцию 17.03.2021; принята к публикации 18.04.2021

Сведения об авторе

Маджаров Александр Станиславович, доктор исторических наук, профессор, Иркутский государственный университет; 664003, Россия, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1; e-mail: mas@home.isu.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1933-8549>.

Библиографическое описание статьи

Маджаров А. С. Клерикально-охранительное направление в отечественной историографии старообрядчества 50-х годов XIX века: структура исторического исследования // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 3. С. 24–33. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-3-24-33.

References

1. Crummey, Robert O. The Old Believers and the World of Antichrist: The Vyg Community and Russian State, 1694–1855. Madison: University of Wisconsin Press. 1970. (In Engl.)

2. Madzharov, A. S. Formation of the official doctrine of the religious split of the Russian Orthodox Church in the works by V. N. Tatishchev. Irkutsk State University Bulletin, vol. 27, pp. 67–77, 2019. (In Rus.)
3. Molzinsky, V. V. Historiography of the history of old believers in the national culture. Bulletin of Saint Petersburg State University of Culture and Arts. March, no. 1, pp. 29–35, 2017. (In Rus.)
4. Madzharov, A. S. The Doctrine of schism in the Russian Orthodox Church by G. V. Plekhanov and its historiographical sources (N. F. Kapterev, A. P. Shchapov, N. And. Kostomarov, etc.). News of Laboratory of ancient technologies, no. 3, pp. 207–219, 2020. (In Rus.)
5. Borodkin, A. V. A community of believers – Kapitonov Central Russia in the 1650s–1660s. Bulletin of Belgorod, no. 9, pp. 103–108, 2009. (In Rus.)
6. Pokidchenko, M. G. Plekhanov as a historian of socio-economic thought. Historical and economic research, no. 4, pp. 599–612, 2017. (In Rus.)
7. Madzharov, A. S. Applied methodology as a problem of Russian historiography of the XVIII–XIX centuries (problem statement). Humanitarian vector, no. 6, pp. 57–63, 2019. (In Rus.)
8. Ustryalov, N. G. On the system of pragmatic Russian history / View of history as a science. Little-known sources on Russian historiography (the first half of the XIX century). Comp. R. A. Kireeva, K. B. Umbrashko; Institute of Russian history of the Russian Academy of Sciences. M; St. Petersburg: Institute of Russian history of the Russian Academy of Sciences; center for humanitarian initiatives. 2015. (In Rus.)
9. Madzharov, A. S. Afanasy Shchapov. Irkutsk: East Siberian book publishing house, 1992. (In Rus.)
10. Makarii. History of the Russian schism, known as the old believers. St. Petersburg: in the printing house of Korolev and comp., 1855. (In Rus.)
11. Filaret. History of the Russian Church. Kharkiv: University printing house, 1853. (In Rus.)
12. Muravyov, A. N. Schism, denounced by its history. SPb: Printing house of the II Branch of Its own E. I. V. Chancellery, 1854. (In Rus.)
13. Ustryalov, N. G. History of the reign of Peter the Great. SPb: Printing house of the II branch of the Sob. His Imp. Led. office, 1858. (In Rus.)
14. Aksakov, I. S. Brief note on the Wanderers or runners. Russian archive, no. 4, pp. 627–643, 1866. (In Rus.)
15. Madzharov, A. S. Afanasy Prokopyevich Shchapov: the history of life (1831–1876) and the life of “History”. Irkutsk: Irkutsk region type No. 1 named After V. M. Posokhin, 2005. (In Rus.)

Received: March 18, 2021; accepted for publication April 18, 2021

Information about author

Madzharov Alexander S., Doctor of History, Professor, Irkutsk State University; 1 Karla Marksa st., Irkutsk, 664003, Russia; e-mail: mas@home.isu.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1933-8549>.

Reference to the article

Madzharov A. S. Clerical-Protective Direction in the Russian Historiography of the Old Believers of the 1850s: the Structure of Historical Research // Humanitarian Vector. 2021. Vol. 16, No. 3. PP. 24–33. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-3-24-33.